

М.С. Ракова

Культуролог

Культурное сходство и различие основных имперских проектов XX - начала XXI века

В статье рассматриваются культурно-цивилизационные сходства и различия основных имперских проектов XX - начала XXI века. Сквозь призму рефлексии представителей творческой элиты разных стран показывается влияние развивающегося империализма на личность и на формы, которые принимает национальная культура.

Ключевые слова: культура, кризис культуры, глобальный культурный кризис, империализм, проект, империя, личность, творчество.

В XX - начале XXI века мы можем выделить четыре основных имперских проекта: Британская империя, попытки строительства государства всемирной диктатуры пролетариата и реальный СССР и создания нацистской Германией всемирного государства господства арийской расы, глобальный геополитический проект США. В этой статье на основе научных, литературных, публицистических произведений будут проанализированы их культурное сходство и различие – как они задумывались и как получились.

Нужно сразу обозначить, что ни один из этих проектов не позиционировал себя как что-то негативное для человека, несущее зло и разрушение. Воспевание цивилизаторской миссии Британской короны Редьярдом Киплингом во много отражает псевдомессианскую пропаганду и идеологов остальных имперских проектов:

«Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.
<...>
Неси это гордое Бремя –

Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
"Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!"»[6]

Если Британская империя настолько убедительно воспевала блага, которые несла ее система государственного (надгосударственного) устройства, что даже марксист Карл Каутский писал о ней: «Этот союз государств представляет собой государство, которому суждено сыграть крупную роль в будущем. Если в нем видят признаки и цель империализма, то мы едва ли можем что-нибудь иметь против такого империализма»; то ведь и реализуемый на территории бывшей Российской империи геополитический проект в своей пропаганде был не менее убедителен; как писал лорд Уинстон Черчилль «В России ничто не могло устоять перед двумя лозунгами: «всю землю крестьянам» и «вся власть Советам»»[12; с. 14]. Причем сторонников этих проектов не могли заставить изменить их взгляды реальные формы реализации фантазмагорических планов строителей всемирного государства: Герберт Уэллс оставался сторонником Советской власти, несмотря на то, что видел в России, и о

чем говорил на страницах своей книги «Россия во мгле»: «Основное наше впечатление от положения в России – это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию»[9; с. 316].

Рубеж XIX – XX веков был наполнен ожиданиями каких-то больших изменений в мире; это мы можем проследить и в научных трудах, и в работах публицистов тех лет, и в художественных произведениях. Британская империя была на пике своего могущества, но появлялись новые геополитические силы; можно предположить, что и для Российской желавшей по итогам Первой мировой войны включить в свой состав Константинополь, не были вполне чужды мечты о том, что именно она будет новым центром изменившегося мира; но для простого человека все эти геополитические планы были чем-то непонятным; а если он умел думать и анализировать или обладал интуицией, то и пугающим. Как написала в 1942 году в своем стихотворении – воспоминании о начале XX века «На Смоленском кладбище» А.А. Ахматова:

Восток еще лежал непознанным пространством
И громыхал вдали, как грозный вражий стан,
А с Запада несло Викторианским чванством,
Летели конфетти, и подвывал канкан...[1; с. 387]

Средний же обыватель, даже причисляющий себя к «думающей» части общества, не видел катастрофических событий, происходивших в мире; по образному описанию В.В. Розанова «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес. – Представление окончилось. Публика встала. – Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось»[10; с. 22-23].

Общим для всех четырех имперских проектов является то, что политолог Н.В. Злобин писал про США: «Американцы уверены, что их нация самая лучшая. Национальный менталитет связан с представлением о том, что им очень повезло. Американский ребенок со школы знает, что каждый день в

его страну прибывают тысячи мигрантов из других стран. И у него с детства формируется мысль: они едут к нам, потому что у нас лучше. У себя они так сделать не могут, потому что им мешают какие-то силы. Начинается знаменитое американское мессианство. Когда ребенок вырастает, он делает практический вывод: надо помогать другим народам бороться против нехороших сил»[10; с. 116-117].

Рассмотрим культурную специфику каждого из этих четырех имперских проектов.

Характерные черты британского очень хорошо передала Вирджиния Вулф в своем романе «Миссис Дэллоуэй», описывая машину, в которой может быть Королева, или принц Уэльский, или премьер-министр. «Но определенно – сама слава восседала в автомобиле, и слава за шторками следовала на Бонд-стрит, совсем рядом с простыми людьми, которым в первый и последний раз в жизни довелось быть бок о бок с величием Англии, символом государства, который смогут опознать любопытные археологи, роясь в наших развалинах и находя только кости, да обручальные кольца вперемешку с прахом, да золотые коронки на несчетных прогнивших зубах, там, где Лондон сейчас, и утро, среда, и толпится народ на Бонд-стрит. Лицо же в автомобиле смогут опознать и тогда»[3; с. 19].

Карл Каутский ставил британские доминионы чуть ли не выше в плане демократических и экономических свобод, чем европейские демократии: «Население Канады, Южной Африки и Австралии правда немногочисленно по сравнению с народонаселением всех британских владений, достигающего 400 миллионов. <.> Но они представляют собой крупную экономическую и политическую силу. Их население не только вышло уже из стадии примитивной демократии, но в полном размере проникнуто стремлениями современной демократии, даже еще в большей степени, чем любая европейская нация, потому что оно, как и население Соединенных Штатов, не обременено пережитками времен феодализма и абсолютизма, ни в государственном управлении, ни в мышлении»[3; с. 43]. И он же подчеркивал уверенность в уникальности британского имперского проекта: «Англия может когда-нибудь лишиться

этого столпа, но никогда он не будет служить опорой другой колониальной державе»[3; с. 48-49].

В то же время нельзя не упомянуть про Герберта Уэлса, который в «Машине времени» (1895) пытался прозревать будущее рода людского, который в его фантазиях выродился в эллов (бывших представителей привилегированных классов) и морлоках (бывших пролетариях), которые пожирали их, и одновременно обеспечивали всем необходимым, как домашний скот: «Мне стало горько при мысли, как кратковременно было торжество человеческого разума, который сам совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность; и они достигли цели, к которой стремились, только чтобы прийти к такому концу»[8; с. 129]. (Мысли об инволюции правящих классов были присущи и другим писателям; Мариэтта Шагинян в «Месс Менде»[15] проводила ее не менее наглядно через образ мутирующего из человека в зверя Грегорио Чиче).

Говоря об имперском проекте, реализованном на территории бывшей Российской империи, необходимо четко разделять две его существенно отличающиеся друг от друга стадии: попытка строительства государства всемирной диктатуры пролетариата с центром в Москве и Советский Союз, каким его сделал И.В. Сталин.

Для первого периода характерно то, что, по словам Черчилля, «для интернационалистов, стремящихся к мировой революции, географические границы и политические связи не имели особенно важного значения. Большевики должны были укрепить свою власть на тех русских территориях, которые у них останутся, и отсюда распространить гражданскую войну и на все прочие страны»[12; с. 12]. Этим объясняется и подписание Брестского мира. Черчилль писал: «Ленин и его сообщники, принимаясь за свое дело, были уверены, что с помощью беспроволочного телеграфа они могут обратиться непосредственно к народам воюющих государств через головы их правительств. Поэтому вначале они не имели в виду заключения сепаратного мира. Они надеялись, что под влиянием русского примера и выхода России из войны военные действия всюду приоста-

новятся и все правительства, как союзные, так и неприятельские, очутятся лицом к лицу с восставшими городами и взбунтовавшимися армиями»[12; с. 10].

Это предположение английского политика находит подтверждение и в словах Н.И. Бухарина: «финансово-капиталистическая война, предполагающая высокоразвитые и в значительной степени организованные «национально-хозяйственные» организмы, ставит перед пролетариатом задачу завоевания власти, классовой, социалистической диктатуры путем превращения империалистской войны между «нациями» в гражданскую войну между классами»[2; с. 76].

Естественно, что идеологам мировой революции не нравилась идея И.В. Сталина о том, что социализм может быть построен в одном государстве, за которую Л. Д. Троцкий обвинил его в «фольмаровщине»: «Я принес вам и вручу, если пожелаете, важный документ. Это статья Фольмара, известного впоследствии немецкого социалпатриота, написанная в 1879 году. Называется она «Изолированное социалистическое государство». <...> Немецкий социалдемократ Фольмар развивал теорию национального социализма еще в 1879 г., тогда как его эпитом, Сталин, стал создавать свою «Самобытную» теорию только в 1924 году. <...> Надежды на международную революцию, на ее непосредственную победу, как это было в 19 году, - сейчас отодвинуты, и кое-кто из «оптимистов» большинства эту надежду вообще потерял, а потому и тянет к выводу, что можно обойтись без международной революции. Вот это и есть предпосылка для оппортунистического сползания к фольмаровщине, начиная с его теории социализма в одной стране»[?; с. 141-142]. На этом же заседании Троцкий сказал: «Если вы впрямь считаете, что против указанных мною явлений ничего поделать нельзя, значит вы признаете революцию погибшей. Потому что на нынешнем пути она должна погибнуть»[7; с. 145].

И в этом с Л.Д. Троцким можно согласиться: И.В. Сталин видел Советский Союз совсем иным, и даже после Второй мировой войны, когда Советский Союз стал второй сверхдержавой, центром для социалистического блока и многих развивающихся стран, его имперская политика была принципиально иной, чем у творцов мировой революции.

Объясняя причины германских геополитических притязаний, автор геополитики нацистской Германии Карл Хаухофер писал: «Попытка, невзирая ни на что, закрасить на карте обширные пространства Земли в соответствующие цвета, а на деле оставить их пустующими, в чем преуспевают Франция, Англия и их ближайшие сателлиты, а теперь примкнувший к ним Советский Союз (самый большой обладатель земельных пространств в качестве наследника царской империи), должна побудить живущих в тесноте, обреченных на голод и упадок при наличии достаточных земельных пространств к взрывам, прорывам и “вспашкам” вслед за Японией и Италией: обе с привлекательным успехом для потомков. По этой же причине в 1938 г. произошло слияние Великой Германии с природной силой»[14]. Интересно отметить, что критикуя Советский Союз, по его словам извещающий «от грядущего перенаселения с помощью ВЧК, а затем ГПУ», Хаухофер пишет: «небольшие пространства с высокой культурой, как Япония, Италия или Германия, исключают подобное лечение кровопусканием; они питают к тому же слишком большое уважение к культурным достижениям отдельной человеческой жизни»[14]. Нацистские лагеря вскоре показали, каково это уважение к личности на деле.

Американский имперский проект Майкл Хардт и Антонио Негри в своей монографии прямо назвали «империей». Как они писали, «под «Империей» мы понимаем нечто, совершенно отличное от «империализма». Границы, определенные системой национальных государств современности, были основой европейского колониализма и экономической экспансии: территориальные границы нации определяли центр власти, из которого осуществлялось управление внешними территориями — территориями других государств — через систему каналов и барьеров, то способствовавших, то препятствовавших потокам производства и обращения. В действительности империализм был распространением суверенитета национальных государств Европы за пределы их собственных границ. Переход к Империи порождается упадком суверенитета современного типа. В противоположность империализму Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные грани-

цы или преграды. Это — децентрированный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Империя управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменах посредством модулирования командных сетей. Различные национальные цвета на карте мира времен традиционного империализма размываются и сливаются в радуго глобальной империи»[13; с. 12]. «Многие полагают, что роль центра власти, управляющего процессами глобализации и стоящего во главе нового мирового порядка, принадлежит Соединенным Штатам. Если девятнадцатый век был британским, то двадцатый век стал американским, или, вообще говоря, если современность была европейской, то постсовременность является американской»[13; с. 13].

О целях и средствах американского империализма можно процитировать американских ученых-политологов: «В ходе вьетнамской войны Соединенные Штаты сбросили бомб по мощности в три раза больше, чем в течение всей Второй мировой войны. <...> Всегда, начиная с убийств коренных американцев и победного шествия генерала Шермана к морю в 1864-1865 годах и заканчивая атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, американское общество выражало широкую и неослабевающую поддержку решительным военным действиям, даже если они приводили к разрушениям и велись против гражданских жителей»[4; с. 108-110]. «Как только страна будет полностью разоружена и «переделана» под нужды стран в центре капиталистического мира, будет завершено «строительство нации» и, как подразумевается, закончится оккупация. Но в районах, где имеются важные ресурсы вроде нефти (или считается, что они занимают стратегические позиции на пути подходов к такому сырью), сдвиг от формального к неформальному империализму после вторжения может происходить медленно — или произойдет только в очень ограниченных сферах. <...> В настоящее время империализм США ведет себя особенно вызывающе, он связал себя именно с такой войной и говорит

о серии войн в будущем для достижения, в сущности, таких же целей»[11; с. 175-176].

Культурное сходство основных имперских проектов XX - начала XXI века – в уверенности в своей избранности, в правильности и допустимости использования любых средств для достижения нужной цели. Личность в рамках каждого из них, даже если официально декларируется иное, – лишь часть общегосударственного механизма, о котором еще Томас Гоббс писал, что это «тот великий Левиафан, который называется Республикой или государством <...>, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек для охраны и защиты которого он был создан»[5; с. 8]. А в XX веке общегосударственный механизм претендовал стать общемировым.

Их различия связаны с тем, что английский имперский проект в рамках Британской империи был более «мягким» по сравнению с остальными, оставлял больше места для самостоятельного развития тех территорий (впрочем, в строго определенных рамках; в какой-то мере можно сравнить это с влиянием СССР после Второй мировой войны на страны соцлагеря и развивающиеся страны, входящие в сферу его влияния). Попытки строительства всемирного государства диктатуры пролетариата и всемирного государства господства арийской расы имеют много сходного (но при этом совершенно отличаются Сталинский Советский Союз и гитлеровская Германия). А об имперском проекте США можно сказать, что он учитывает опыт всех трех, бывших до него.

Библиографический список:

1. Ахматова А. Избранное. М., 2006.
2. Бухарин Н. И. Мировое хозяйство и империализм // Бухарин Н.И. Пробле-

- мы теории и практики социализма. М., 1989.
3. Вулф В. Миссис Дэллоуэй // В. Вулф. Малое собрание сочинений. Спб., 2014.
4. Гаррисон Д. Америка: последняя империя. Конец истории по-американски. Б.м., 2009.
5. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.
6. Киплинг Р. Бремя белого человека <http://klock.livejournal.com/122502.html> (дата обращения 6 ноября 2013 года).
7. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Изд-во «Наука», 1990.
8. Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964.
9. Уэллс Г. Россия во мгле // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 15. М., 1964.
10. Федотов А.А. Россия в глобальном мире. Иваново, 2016.
11. Фостер Д.Б. Откровенный империализм – «бремя белого человека». М., 2007.
12. Черчилль У. Как я воевал с Россией. М., 2011.
13. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004
14. Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет http://royallib.com/book/haushofer_karl/o_geopolitike_raboti_raznih_let.html (дата обращения 18.07.2016 года).
15. Шагинян М. Месс-Менд. М., 1960.

©Ракова М.С., 2021